

ТЕАТР — один из древнейших видов искусства. Никто не знает, сколько ему лет. Он был всегда и сохранится от первобытного человека до наших дней. Перед охотой человек пел песни и исполнял мужественные танцы: он устраивал зверя. Возвращаясь с добычей, человек снова пел и танцевал: он благодарил богов.

Это была игра. Человек надевал на себя шкуру («театральные костюмы»), разукрашивал лицо («грим»), шовывался к голове рога зверя или перья птицы («парик») и отдавался власти чувств. (Это уже совсем как сегодня, если иметь в виду не ремесленника, а одаренного современного актера).

Театр был всегда. Это неоспоримый факт. Но вечен ли театр? С некоторых пор этот вопрос стал предметом дискуссии. Появились новые виды искусства. В жизнь человека вошел кинематограф. Показались всего десятилетия, чтобы он стал кумиром человека. Сегодня мы не мыслим нашей жизни без кино. Кинематограф ездит, он общается, он демократичен. За почти символическую плату, не снимая пальто и варежек, можно посмотреть увлекательные похождения Тарзана или страдания принца Датского. Кинематограф — это величайшее открытие XX века, это революция в искусстве. А театр?

Многие пророчатели предсказывали ему неминуемую гибель, как некоему ихтиозавру, на смену которому пришел более современный, более соответствующий образу жизни людей вид искусства — кинематограф.

Но произошло чудо. «Ихтиозавр» выжил. Больше того, соседствуя с кино, он не стал приспособляться к требованиям века. Театр сохранил свой консерватизм. По-прежнему билет в театр приобретают заранее. К театру готовятся, делают прическу, надевают нарядные платья. В театр не бегут с портфелями и авоськами. Театр — это всегда главное событие дня. Вряд ли коммунист придет в голову побывать в один вечер и в театре и в товарища на свадьбе, хотя практически по времени это вполне возможно. А вот «забегать» в кино — дело свадебного банкета ухитряются даже сами женихи и невесты. Словом, при всей своей «япопорности» в борьбе с демократическим кинематографом театр выжил и даже не стал менять своих «привычек».

Но суждено ему было претерпеть еще одно гажелое испытание. Человек изобрел телевидение. «И искусство вошло в яшу хижину». Меньше, чем за полвека произошла вторая революция в духовной жизни человека. Мы стали поглощать искусство, не прикладывая для этого никаких усилий. Теперь можно смотреть великодушный кинодетектив, свкусюг в гапачки, развлекаться после работы в удобном кресле и попывая чаю в обществе домашних. И не только кинодетектив, но и балет на льду с участием лучших звезд мира, но и спектакль, в котором играют самые знаменитые артисты. И все это совсем бесплатно, при абсолютном комфорте, что называется, — с доставкой на дом.

Вот он такой, телевизор, этот волшебный ящик, который имеется сегодня почти в каждой семье! Если бы удалось сегодня часом в семь-восемь вечера заглянуть сквозь стены многоэтажных человеческих жилищ, мы бы увидели сотни миллионов телефанатиков, приросших к своим телевизорам.

С появлением этого нового всемогущего кумира судьба театра казалась предопределенной. Театральные администраторы не на шутку исполошались: наверное, это конец...

Да и мы, театральные практики, чаще всего спешим объяснить отсутствие интереса к яным спектаклям «прониками» телевидения: сегодня же многосерийный фильм! Сегодня меж-

дарит он свои мысли и чувства. У подлинного рыцаря сцены, можно сказать, каждый вечер происходит самоожжение. Только тогда это — настоящее творчество, искусство! И ты, зритель, присутствуешь при этом волшебном процессе. Этого не подменит никакое кино. Ты, зритель, переживаешь подлинное состояние восторга, если оказываешься свидетелем, соучастником настоящего творчества.

Необходимо только научиться разбираться в том, что настоящее, а что суррогат. К сожалению, в театре, как и в другом искусстве, рядом с талантливым уживается ремесленник. Он может быть очень мастеровит. Но все его мастерство как раз и рас-

подвергая ничего сомнению. Это очень хороший зритель. Просто грешно его обманывать или дурной продукцией уродовать его вкус.

Есть зритель случайный. Антракт он непременно проздает в буфете, в кресле сидит развалившись, цинично разговаривает с соседом и отпускает громкие реплики по поводу того, что происходит на сцене. Такой зритель ранит актера в самое сердце. Играть для него — просто мученье.

Но еще хуже, когда в зале нет зрителя. Это значит, что театр не угадал интересов, общего настроения своих сограждан. Такой театр живет сам по себе, и сами по себе живут сограждане наши.

Здесь-то и встает вопрос о гражданственности театра, о его назначении. О гражданственности искусства говорит сегодня много. И понимают гражданственность разные художники порой по-разному. Мне кажется, точнее всего определяет понятие гражданственности в искусстве Георгий Товстоногов. «Это значит, — пишет этот крупный деятель театра, — чуток ошущать, чем живет общество, что волнует современного зрителя, ответа на какие вопросы ищет он в искусстве и ради чего идет он сегодня в театр».

Очень емкое определение. Если театр растерял зрителя, это значит, он перестал ошущать, чем живет общество, что волнует современника. Такой театр — банкрот. В материальном и духовном смысле. Для того, чтобы поправить свои дела, он начинает ставить пьески на потребу «невзыскательной толпы». И тогда появляются комедии «Зонтики надо беречь», «Десять суток за любовь», жгучие мелодрамы «Цыган», «Цыганка Аза» и подобная им макулатура.

В 1971 году в театрах Российской Федерации на первое место по количеству сыгранных спектаклей вышла комедия Э. Брингского «С легким паром». Не могу сказать, что это очень плохая комедия. Но то, что она оказалась головным кораблем в фарватере театального искусства — наводит на грустные размышления. Это тот случай, когда высокое и благородное понятие гражданственности театр подменил сугубо коммерческими интересами.

...В семь часов вечера зажигаются хрустальные люстры, открываются парадные двери, и нарядная публика заполняет наши театры. Девушки в мини и макси, женщины, нарядно причесанные, юности и мужчины при галстуках, в белых тугих воротничках...

Это очень хорошо, что люди, отпавляясь в театр, хотят выглядеть порядчнее. В этом большая уважительность к искусству, к себе, к обществу, с которым ты проведешь этот вечер.

К театру надо «готовиться», еще заранее настроить себя на театральную волну. И обязательно ждать чуда.

Произойдет ли оно именно в этот вечер? Если ты любишь театр, умеешь «видеть», «слышать» и «чувствовать» искусство, для тебя это чудо обязательно произойдет.

И. ШТОКВАНТ,
главный режиссер Петропавловского русского драматического театра.

„НА СЕГОДНЯ ВСЕ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ“

дународный футбол! Сегодня чемпионат мира по хоккею! и т. д.

Конечно, это огромный фактор — телевизор в доме. Зритель стал ученым, разбирающийся (он видит теперь все самое лучшее, самое, самое...), я бы сказал зритель стал привередливый.

И, несмотря на все это, театр выжил. Выжил! Вечером, когда телевидение показывало знаменитый хоккейный матч между сборными СССР и Чехословакии, я доставил себе удовольствие войти в театр не со служебного и с парадного входа. Я подошел к кассе и, как лучшие стихи, прочитал надписи: «На сегодня все билеты проданы». Эту надпись в нашем театре сделали на стекле золотыми буквами. А мне бы хотелось, чтобы те повинтили болтамы, являху, навсегда!

Сегодня, после того как театр выдержал все испытания, выпавшие на его легкую долю, мы знаем: театр вечен! Вечен, как вечно любое настоящее искусство как вечно само человечество! Никакими техническими нововведениями не заменить живого человека в жизни Любим. самый совершенный компьютер — всего только механический сколок с человека.

Так и в искусстве театра. В нем царит живой человек, живая человеческая душа. Это он, бестрашный рыцарь дряхлого искусства, выходит каждый вечер на подмостки. Он расходует живую энергию тела, черпая и сердце. Он, как донор, переливает свои чувства и мысли тем, кто пришел к нему сегодня в Дом. Посмотри, зритель: это не стальные слезы и не искусственный пот текут по его лицу. Его лицо бледнеет от ужаса и краснеет от гнева. И как донор, он испытывает наявнее блаженство от того, что отдает тебе избыток своей энергии.

Чем талантливее актер, тем щедрее

ходит к тебе, чтобы обмануть тебя, зритель. Чтобы выдать свои убогие мысли за высокие, а свои фальшивые чувства за искренние. Если ты редко ходишь в театр, если ты неопытен, то ему без особого труда удастся это. Ведь фальшивый бриллиант всегда сверкает ярче благородного камня.

Коллективное искусство театра очень субъективно. Оно зависит от личности актера, режиссера, художника, драматурга. Личность в театре сегодня определяет все. Я знал по совместной работе одного весьма посредственного актера. Отличные внешние данные были, пожалуй, его единственным достоинством. Сегодня он один из самых популярных актеров кино. В театре такое невозможно. Театру нужна личность.

Театр — это всегда непосредственное, живое общение. Разве может доставить удовольствие общение с неинтересной личностью, скажем, со слабообразованным или грубым, обладающим черствым сердцем или сложным характером человеком?

Конечно, режиссер ставит спектакль не про себя, а актер играет литературного героя, не личность художника обязательно проецируется на все, что он делает. Его палитра — это он сам. Процесс общения в театре всегда двусторонний. Актеру тоже не безразлично, какой зритель присутствует сегодня в зале.

Есть зритель «премьерный», как правило, хорошо разбирающийся в театре. С ним всегда трудно, но и интересно. Он легко отличает фальшь от правды, видит художественный брак или чужеродность.

Есть зритель — «адаптат». Он явлен, чужероден. Он смеется и плачет вместе с актером, живет его чувствами. Он впитывает в себя все происходящее на сцене, не